

Мухсинова Лейла Хасановна

доктор экономических наук, доцент (г. Оренбург)

Mukhsinova Leila

Doctor of Economic Sciences, Associate Professor (Orenburg)

Криволапов Василий Сергеевич

кандидат экономических наук, доцент (г. Оренбург)

Krivolapov Vasilii

PhD, Associate Professor (Orenburg)

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ФАВОРИТИЗМУ КАК ФАКТОРУ ТОРМОЖЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

COUNTERACTING FAVORITISM AS A FACTOR IN THE BRACING OF THE MODERN RUSSIAN ECONOMY

Аннотация. Цель статьи – обосновать необходимость оздоровления общеэкономических условий жизнедеятельности граждан, раскрыть негативную роль фаворитизма, сдерживающего развитие новых идей и мыслей для решения проблем страны, связь фаворитизма с процессами бюрократизации управления, выявить значение культуры общества в обеспечении эффективности бюрократии и сдерживании проявлений фаворитизма, как фактора разрушения процессов формирования трудоспособного коллектива экономической организации.

Ключевые слова: бюрократизация, фаворитизм, талант, трудовая деятельность, оплата труда, прогрессивное налогообложение, инвестиции.

Summary. The purpose of the article is to substantiate the need to improve the general economic conditions of citizens' livelihoods, to uncover the negative role of favoritism, which hinders the development of new ideas and thoughts for solving the country's problems, the relationship of favoritism to the processes of bureaucratization of management, to reveal the importance of the culture of society in ensuring the efficiency of bureaucracy and containing the manifestations of favoritism as factor of destruction of processes of formation of able-bodied collective of the economic organization.

Key words: bureaucratization, favoritism, talent, labor activity, wages, progressive taxation, investments.

Одна из самых опасных граней современного социально-экономического кризиса на постсоветском пространстве заключается в том, что высокопрофессиональное начало экономической деятельности все чаще оказывается невостребованным. Многие наивно полагают, что поднять производство можно только финансовыми инвестициями и эту мысль особенно часто озвучивают государственные чиновники. Однако финансирование экономики из госбюджета не ведет к принципиальному улучшению дел, а часто деньги, по утверждениям прессы, присваиваются теми же самыми чиновниками.

Создается впечатление, что государственные структуры не все делают, чтобы средства были использованы эффективно, либо делают это плохо. Ко-

нечно, есть и обратные примеры, как говорится, любое правило подтверждается исключениями из него. Существуют созидательные коллективы, где средства используются вполне эффективно, а не в угоду воле вышестоящих руководителей. Это достигается подбором кадров, их культурным воспитанием. Но тиражируются ли положительные изменения в практике управления экономикой? Насколько соответствуют такой оценке недавние и планируемые компании по укреплению вертикали власти на основе бюрократической модели управления?

Бюрократизация управления в нашей стране растет. История ушедшего в прошлое советского общества не знала недостатка в призывах к искоренению бюрократизма, но их реальная действенность оказа-

лась ограниченной. Безрезультативность призывов объясняется тем, что они не были основаны на научном анализе реальной системы отношений и интересов участников отношений.

Создатель бюрократической теории немецкий социолог Макс Вебер (1864–1920) утверждал, что бюрократия является наиболее эффективной формой организации деятельности людей [1]. По его мнению, она необходима для обеспечения функционирования общества, а без структурированной бюрократии наше сложное общество было бы гораздо хуже — действовало бы менее эффективно и расточительно. Он представляет достоинства своей теории: более высокая быстрота принятия решений, компетентность, минимальная конфликтность, обеспечиваемые единоначалием. Но также Вебер считал, что должно иметь место и справедливое отношение к людям. Именно оно обеспечивает выдвижение квалифицированных работников, развитие корпоративного духа.

Все так хорошо смотрелось в теории. В реальности же ситуация выглядит хуже: уже сам Вебер признавал, что в бюрократической системе существуют изъяны — власть сосредоточена у малого количества людей и практически безгранична. А в итоге бюрократия ограничивает свободу личности.

Такую же оценку бюрократической теории организации давали и более поздние ученые. По оценкам американского социолога Роберта Мертона (1910–2003) нацеленность на приоритет правил и нормативов влечет за собой отказ приверженцев бюрократической теории от признания роли творческого и самостоятельного мышления, а подчас и компетентности.

Поиск причин этого подводит к выводу о том, что немаловажную отрицательную роль сыграло известное явление фаворитизма, устойчиво порождаемого большими, сложноорганизованными социальными системами. Обращение к теории бюрократии позволяет приоткрыть неявные стороны функционирования организационно-экономического механизма фаворитизма: доминирование формализованных норм и правил резко понижает уровень требований к талантам конкретного человека, так как для достижения удовлетворительного результата ему достаточно просто следовать полученным предписаниям.

Наша характеристика затронутого явления как неявного обусловлена тем, что отрицательные последствия фаворитизма не являются predetermined. Если реализация формальных правил попадает в руки талантливого и благонамеренного администратора, то результат может быть положительным.

Опасность же в том, что бюрократическая теория нацелена именно на нивелирование субъективных факторов, которыми и предопределяются положи-

тельные результаты фаворитизма. Парадокс — следование научной теории не увеличивает положительные эффекты, а тиражирует отрицательные явления.

Положительные эффекты бюрократии обусловлены качеством человеческого материала, вовлеченного в управленческие процессы. Тогда возникает вопрос о том, где находится источник этого материала, какие критерии качества предъявляются в процессе подготовки, в каком секторе воспроизводятся необходимые ресурсы, создаются и тиражируются модели поведения людей?

Очевидно, что это сфера науки, культуры и образования. Наука — потому, что управление социальными процессами предполагает способность отказаться от механического следования существующим предписаниям и образцам поведения, генерировать идеи новых норм и правил; образование — как место тиражирования моделей поведения; культура — как инструмент поддержания социальных коммуникаций. Поэтому проникновение в эти сферы явлений бюрократизма и фаворитизма могут вызвать смертельно опасные последствия.

Названные сферы — это место производства и накопления продукта, стратифицированного как интеллигенция. Эта совокупность носителей интеллектуального потенциала должна служить источником рекрутирования кадров для обеспечения эффективности бюрократического аппарата управления.

Вроде бы интеллигенция обладает иммунитетом от проникновения в ее среду инородных элементов. Но фактически, за пределами семейного круга, сфера ее подготовки имеет форму классической организационно-системной, со своей иерархией управления, открытой для обмена с внешней средой человеческими ресурсами, политическими влияниями, мыслями и общественными мечтаниями. Поэтому фаворитизм в здешней подсистеме управления, подпитываемый научными идеями о возможности «упрощения» всего на свете, давно проложил свои тропинки в сферы деятельности с отложенными во времени и неочевидными результатами, расплывчатыми критериями оценки трудового вклада, непрозрачными траекториями развития мыслительных процессов.

Один из таких входов — система высшего образования. И не всегда посредством напряженной работы над собой, а через формальные процедуры: «одипломливания», «остепенения», «присвоения» академических званий. Бюрократическая организация хорошо подходит для подобной карьеры. Если общечеловеческая культура коммуникаций замещается родственными, дружескими связями, клановыми и земляческими практиками согласования интересов.

Не правда ли знакомая картина: государственный чиновник высокого ранга «решает вопрос»

о назначении ректором престижного университета своей родственницы, та — руководителем крупного структурного подразделения назначает свою близкую подругу, а далее практика воплощается в действиях деканов и заведующих кафедр по подбору «доверенных лиц». Тот факт, что для этого необходимо «убрать» активно работающего пенсионера-доктора наук, создавшего комплексы учебных пособий и материалов по читаемым дисциплинам, — обстоятельство само собой разумеющееся и поэтому второстепенное.

По формальным критериям такая практика даже оправдана, ибо налицо положительные, хотя и кратковременные, учебные эффекты — студенты не отвлекаются на «всякие посторонние изыскания», их энергия направлена на зубрежку «устоявшихся истин», улучшаются оценки и растет градус удовлетворенности «успехами чад» у родителей. Доволен и вновь состоявшийся агент интеллигентного труда — легче же транслировать готовые тексты лекций, чем пересматривать стопы вновь вышедших монографий, публикаций, учебных пособий, адаптировать лекции к специфике новых направлений подготовки.

Это происходит в том сегменте социально-экономического пространства, где должны тиражироваться образцы поведения для подрастающего поколения. Подбирать кадры здесь по признакам личных отношений — прямой путь к гибели страны. Какой образец успешной профессиональной карьеры воспроизводится? Какой угодно, только не трудовой. Ибо, зачем нужны годы напряженного труда, чтобы занять руководящий пост?

Если сейчас не устранить разрыв между подобными представлениями и тем, что реально нужно для нашего общества, то перспективы выглядят весьма неприглядными. Как показывает опыт развитых стран, наибольший успех достигается ими при инвестициях в человека — его новые знания, воплощенные в новых технологиях и оборудовании, приемах организации и управления. Именно на широком использовании результатов интеллектуального труда развитые страны добились увеличения доли продуктов труда, которые отличает новизна и повышенная полезность. На это указывают сведения о доле высокотехнологичной продукции в общем объеме экспорта продукции. Впереди Сингапур, Малайзия, Мальта, Кипр, Ирландия, Корея, США (7-е место), Китай (8-е место), Россия (36-е) — из 49 стран, взятых для оценок [2].

Нужно упорно трудиться, чтобы приблизиться к параметрам жизни цивилизованного мира, развивать умение мыслить по-новому. Исследования Всемирного банка выделяют в структуре национальные богатства США 76% человеческого капитала, 19% производства, 5% природных ресурсов. Что касается

Европы, то там человеческий капитал составляет 74%, производство — 24%, природные ресурсы — всего лишь 2%. Однако в России человеческий капитал составляет только 50%, производство — 10%, природные ресурсы — 40%.

В формировании интеллектуального капитала ведущая роль принадлежит высшему образованию. Но в искаженной структуре приоритетов общества, где процветает фаворитизм и порождаемая им коррупция, энергия направляется не на создание нового, а на то, чтобы не потерять рабочее место. Соответственно, в качестве образца поведения молодежи тиражируется не трудовая деятельность, а непрерывный поиск связей, личной дружбы, возможностей создания родственных комбинаций. Содержанием деятельности, которую трудно назвать трудовой, становится борьба за выгодное место, а критерием успеха — наличие времени для досуга. Целью — не увеличение количества производимого товарного продукта, а перераспределение имеющегося, поскольку механизм его приращення здесь отсутствует.

Это явление уже давно подметил Генри Форд, являвшийся вдумчивым практиком: «Пусть работает тот, кто лучше справляется с делом. Попытка расстроить чьи-либо дела — преступление, ибо оно означает попытку расстроить в погоне за наживой жизнь другого человека и установить взамен здравого разума господство силы» [3]. Примером практического воплощения этой мысли служит его ответ на предложение эдисоновской компании занять пост в высшем управлении ее делами, при условии, что изобретатель и инженер бросит свой газовый двигатель для занятий «действительно полезными» делами. Форд не пожелал сесть на более высокое и менее хлопотное кресло. Он выбрал автомобиль и отказался от службы, чтобы посвятить себя любимому делу.

«Мыслящий и работающий человек есть мера всему. Он есть огромное планетное явление». Эти слова принадлежат академику В.И. Вернадскому [4]. Способность плодотворно мыслить — талант, который всегда являлся интеллектуальным капиталом. По оценкам аналитиков, интеллектуальный капитал ценится даже больше, чем земля. Однако овладение и управление им — дело сложное. Инвестиции в знания требуют суперкультуры, дающей человеку возможность постоянно генерировать и развивать новые идеи.

Если экономическая организация создает условия персоналу для того, чтобы делались новые открытия, то она может получить преимущества в конкуренции. Открытия — результат творчества людей, а творчество индивида стало необходимым для прогресса общества. Человек может все — это доказано всей истори-

ей развития человечества. Специалисты считают, что способность к творчеству передается биологически. Однако, должен существовать и механизм развития этой способности. Это культура — если культурные нормы не соответствуют требованиям технологического уклада, то страна попадает в тупик.

Практика советской управленческой и производственной культуры омертвила интеллектуальный потенциал нашего народа. Через какое-то время этот потенциал начнет оживать, но творческая активность может приблизиться и к абсолютному нулю, если в нашем обществе и дальше будет процветать фаворитизм, насаждаться клановость, игнорироваться роль мыслящего человека. Можно сказать, что наш интеллектуальный потенциал попал в ситуацию самоизоляции: в значительной части он искусственно отстранен от активного участия в общественном процессе вследствие умножения случаев проявления фаворитизма.

К сожалению, такая самоизоляция в немалой степени результат мировых тенденций развития культурной жизни — когда ее достижения попадают в руки отсталых «туземцев». Обладание и возможность использования культурных достижений в повседневной жизни общества обусловлены системой внешних, формальных признаков, которые, как свидетельствует практика, с успехом могут отделиться от первоисточника и обращаться на товарном рынке самостоятельно. Конечно, это фиктивный капитал, но в эпоху господства в современной финансовой экономике множества его аналогов, еще один тоже имеет право на существования. И его перспективу точно определил еще древний афинский законодатель Солон, сказавший: «людям не указан никакой предел богатства».

Увы, в отличие от других видов фиктивного капитала, такой капитал лишен функции производства полезного продукта. Более того, он обесценивает уже достигнутые научные результаты, превращая их во внешнюю оболочку. Примером такого оболочечного продукта выступает современная система подготовки научных кадров, уже не привлекающая талантливых людей.

Главной формой подготовки научных кадров остается пока аспирантура и пересаживаемый из чужеродной почвы институт магистратуры. Но вот желающих учиться в них становится все меньше. Талантливые и хорошо подготовленные люди, чтобы заработать на жизнь, вынуждены заниматься поиском хорошо оплачиваемых мест работы. В свою очередь, отсутствие реальной конкуренции вынуждает набирать в аспирантуру/магистратуру слабо подготовленных абитуриентов. Создаются условия для негативного мультипликативного эффекта — немотивированные

и неподготовленные «кандидаты в ученые» не предъявляют спроса на высококачественные знания, что способствует расползанию практики фаворитизма в профессорско-преподавательском корпусе.

Косвенным доказательством здесь служит разная статистика динамики абитуриентов двух современных ступеней высшего образования. Трудно логически обосновать схему образовательной траектории, когда абитуриенты, с большим желанием поступающие на бакалавриат, уже не горят желанием завершить полноценное высшее образование в магистратуре и аспирантуре. Внутри высшей школы сформировался фактор, результатом которого служит утрата желания продолжать образование. Логический итог процесса — интеллектуальный потенциал страны истощается. Сфера науки и образования перестала быть местом, откуда бюрократия может почерпнуть кадры, способные нейтрализовать отрицательные черты этой, в других условиях весьма эффективной модели управления.

Если наша страна хочет иметь здоровую экономику, есть только один путь — превзойти технологические и организационные достижения других стран, но не пытаться догнать их путем механического повтора. Для привлечения собственных интеллектуальных нужно предположить, что в жизнеспособной экономической системе должен быть свой, более лучший путь.

Разве редкость, когда прогрессивная техническая идея, способная революционизировать целые отрасли производства, зарождалась в нашей стране, но не получала признания? Можно привести не один пример, когда ценная технологическая идея, заявленная в бывшем СССР, отвергалась на основе заключения недобросовестных экспертов, а впоследствии патентовалась за рубежом и внедрялась там в практику. В прошлом и настоящем препятствием для российской экономики выступают проблемы культурной коммуникации — между актуальными технологическими вопросами и продуктами труда творческих людей. Обладатели власти устойчиво демонстрируются свою неспособность к своевременной оценке полезности новшеств, перспектив их внедрения.

Наша страна обладает колоссальным потенциалом, не только благодаря природным ресурсам, но и все еще высокому уровню образования, науки, культуры, которые есть составляющие части и источники «человеческого капитала». Но мы используем последний в малой степени, а не как в США, где «человеческий капитал» составляет большую часть национального богатства страны, служит фактором развития общества. Нам же мешает фаворитизм.

Очевидная конкуренция внешних и внутренних факторов социально-экономического прогресса

делает критически важной сравнительную оценку их роли в развитии разных секторов хозяйства страны, характера взаимосвязанности факторов и их соответствия целям общества. Однако для любого фаворита, действующего в рамках бюрократической системы, действие механизма оценки априори искажается рисками принятия самостоятельных управленческих решений — опора на зарубежные образцы менее опасна, чем угроза быть обвиненным в собственных ошибках при обосновании осуществленного выбора.

Поэтому, не случайно складывается впечатление, что современные руководители, какую бы сферу они не возглавляли, уверены в том, что творческая работа не обязательна при наличии кажущихся несметными природных богатств, прежде всего нефти и газа. Государство зарабатывает на нефти и газе, а вот для большинства граждан выдвигается идея о процветании на основе развития малого бизнеса. Хотя мировая экономическая мысль давно доказала, что мелкое хозяйство — не лучший товаропроизводитель, а доходы от него дают возможность «свести концы с концами», но никак не для богатства и развития.

Тем самым как бы отодвигается на второй план тот факт, что ориентация на приоритет эксплуатации природных ресурсов уже служит главной причиной растущей безработицы. Также, с «гордостью» можно заметить, что здесь присутствует и российский вклад — малоизвестное в истории экономики явление «бедных работающих». Минимальный размер оплаты труда (МРОТ) по России в 2014 г. составлял 5554 руб. при прожиточном минимуме 8192 руб., на уровне МРОТ работают 4,9 млн человек. Для сравнения: минимальная заработная плата в США в том году составляла 1218 долл., что по курсу доллара на 24 декабря 2014 г. — 54,5 руб. за доллар — это составит 66381 руб. В 2016 году МРОТ увеличился всего на 411 руб. и составил 5965 руб.

В итоге многим из работающих не хватает денег даже на пропитание, а что еще хуже — для потребления технологически продвинутых продуктов современной экономики. Уже ушло в прошлое то время, когда отсутствие голодающих служило критерием успешности государственного управления.

Конечно, можно быть бедным в России и в США. Но это большая разница, — в том, как люди тратят деньги в развитых и развивающихся странах. В странах ЕС люди тратят на пищу, выпивку и курение всего 20% своих заработков, в США — еще меньше 13,7%, в Японии — 20–25,5% в Китае — 19,3–20,9%. Остальное расходуется, помимо налогов, на туризм, рестораны, гостиницы и прочие цели общего расслабления. По данным Института социально-политических исследований РАН 2/3 опрошенных признаются в том, что

денег им хватает только на продукты или не в желаемом ассортименте. У многих до 95% семейного бюджета расходуется на продукты питания. В целом же россияне на продовольствие тратят 68–75% из общей массы денежных доходов.

Оригинальность вновь созданной российской экономической системы состоит в том, что обозначилась проблема качества оценки, выражающаяся в сомнениях о надежности измерений. Так как использованные денежные статистические измерения лишь искажают картину. Из-за наличия в российской экономике обширного теневого сектора, с неразвитыми финансовыми отношениями и высокой долей безденежных хозяйственных операций.

Более показательны альтернативные методы измерения реального уровня потребления. Чтобы купить по одному килограмму таких популярных продуктов, как масло, сыр, мука, куры, рыба, говядина, хлеб, картофель, кофе, сахар, яблоки, морковь, десяток яиц и литр молока, необходимо работать среднему гражданину: Голландии — 3 часа 12 мин, Швеции — 4 часа 11 мин., Финляндии — 4 часа 59 мин., России — 51 час 24 мин. Нерациональная структура потребления продовольствия выражается и в том, что если 2–3,5% населения россиян недоедают, то же 55,5% — страдают от ожирения, которое чревато развитием множества болезней: сахарного диабета, желчнокаменной болезни, гипертонии, сердечно-сосудистых недугов.

Но одновременно, Россия занимает в мире третье место по числу миллиардеров, при отмеченной бедности большинства населения. Это должно привлечь особое внимание российских исследователей — главное не в количестве богатых, а в оценке причин и последствий этого явления.

Бедность выступает тормозом для развития современных производственных технологий. Не только сам факт бедности, а те институты, которые способствуют ее разрастанию. В бюрократической системе организации оплата труда обусловлена не количеством и качеством выполняемой работы, а местом в иерархии власти. Это, если не считать нелегальную, или рентную составляющую доходов, также обусловленную наличием властных полномочий. В ситуации растущей бюрократизации фаворитизм служит неэкономическим инструментом концентрации богатства. Соответственно, не случайной выглядит ситуация высокого места России по числу богатых при прогрессирующей бедности подавляющей части населения. Это своеобразная плата за фаворитизм.

С другой стороны, в системе трудовой мотивации не меньшую роль играет такой фактор как оценка членами общества справедливости существующих механизмов концентрации богатства. В бюрократической

модели управления богатство перераспределяется не в пользу работающих людей, в том числе инвесторов и эффективных собственников, а в руки агентов административной власти, не умеющих и не желающих развивать новое производство, так как это обусловлено наличием ресурсов знаний. А вот распоряжение последними, отнюдь, не самое сильное место фаворитов.

Примером служит история российского института налогообложения последнего столетия. Недавно мы отметили 100-летний юбилей — также страдавшая от бюрократии и фаворитизма Российская Империя в ситуации военной угрозы пошла на решительный шаг: царь одним из последних своих указов в январе 1917 года узаконил прогрессивный подоходный налог с граждан.

Сразу после революции налоговое ведомство было расформировано, а на смену законным податям пришли силовые акции властей: экспроприация, разверстки и т.д. Налоговую систему восстановили только в период НЭПа. В 1933 г. с граждан и организаций собирали уже не изначальные семь, а 400 наименований платежей. К 1937 году число налоговых ставок дошло до 2444. После второй мировой войны развитие налоговой системы свернули. Интересны аргументы: слишком сложно, да и нерационально политически — в условиях монополии единственной формы собственности.

Эксперимент по возврату в мировой русло формирования налоговых отношений повторили в 1990-х. Результат, по сути дела, тот же — с января 2001 г. действует единый налог с доходов физических лиц, с «плоской» ставкой в 13 процентов. Аргумент — недостаточная культура населения.

Однако налоговые механизмы никогда не были простыми. С византийцев брали налог на воздух, один восточный паша взимал с жителей налог на износ своих зубов, правитель Галлии Лициний ввел два добавочных месяца: в году собирать налоги не 12, а 14 раз. И в наше время в мире не меньше тонкостей в налоговом законодательстве: с 1993 г. владельцы магазинов, ресторанов, мастерских Венеции вынуждены были ликвидировать навесы над витринами и козырьки над входом: в городе ввели налог на тень. Ведь, как высказался великий специалист по налогам Джимми Дюрант: «Человек — это единственная птица, которую можно ощипать многократно. Причем на самых законных основаниях». Но, тогда в чем же состоит специфика российского общества, чтобы признавать значимым аргумент недостатка культуры?

В принципе неважно, какой именно используется инструмент распределения: налоги; заработная плата, привязанная к должности или по своей природе непрозрачные каналы распределения рентных доходов.

Важен итог: концентрация богатства не превращает материальные ресурсы (и их денежную форму) в капитал, что свидетельствует о несправедливости и неэффективности механизма. Ибо изъятые из реального производства ресурсы не используются для создания новых рабочих мест и контрпродуктивны для мотивации труда еще работающих.

В социальной системе важно понимать, какое влияние ощущения людей оказывают на их поступки. Поскольку экономические победы и поражения зависят не от научных абстракций, а от политической стратегии и конкретных мероприятий руководства стран. О властителе, который не использует представленную ему власть, хорошо выразился поэт XIII века Авхади «Тебе затем дана над всей страной власть, чтобы ты не дал стране от рук невежд пропасть».

Недостаток приведенного поэтического образа — в отсутствии содержательного наполнения рекомендации. Тем более, что органично присущий бюрократической власти инструмент административного запрета неэффективен по простой причине: он слабо действует отношении фаворитов и превращает инструмент организации людей в противоположность — в движущую силу дезорганизации. Минувшие столетия развития науки управления породили удивительную коллизию — эффективность власти снижается вследствие применения самых действенных ее инструментов.

Чтобы достичь результата власть должна наложить некоторые ограничения на себя, вернее на поведение людей — носителей властных полномочий. Например, должны быть сдержаны естественные устремления людей с обывательскими представлениями о жизненных целях, как то: угодить ли близкому, по духу или крови, человеку; отнять что-то у неудачника, не занявшего места, сопоставимого по властному потенциалу; причинить вред конкуренту в борьбе за объективно ограниченные экономические ресурсы.

Увы, такое предложение, поставленное в ряд со стремлением к справедливости, на языке этой самой культуры звучит как очередное «благое намерение», которыми «дорога в ад выстлана». Ключевым фактором изменения генерального направления такой дороги служит качество человеческого материала, а именно готовность конкретных властителей служить общественным, а не личным, или клановым, интересам.

Человеческая история знает удачные примеры, когда акту наделения властью предшествовал жесткий отбор ее носителей: в форме ограничений на вход в элиту и жесткими мерами поддержания культурных норм поведения представителей последней. Ибо никакая близость к власти не защитит жизнь в дуэльном

поединке с самым последним носителем дворянской чести, будь то польский шляхтич, испанский идадьго, немецкий, французский или английский рыцарь. Чаще всего победитель не получает материальных выгод, но удовлетворяется важностью функции защиты института общественного порядка.

Главным недостатком такого примера служит нарушение того самого, принципа самоограничения — достаточно локальный по времени и месту, он не должен служить основанием для попыток безграничного распространения привычных норм и правил культуры. А вот поиск аналогов, причем непохожих по форме, а может и по организации глубинных процессов, может послужить более веским аргументом для осознания потребности в изменении моделей поведения носителей власти.

Было время, когда на Западе заговорили о «желтой угрозе» — азиаты в перспективе могут вытеснить «белого» человека. Потом появилась угроза терроризма, географические истоки которого оказались теми же — Восток. Теперь носителями проблем представлены мигранты из стран Африки и Азии.

Было время, когда во многих странах действовали консультационные иммиграционные центры, чтобы, как утверждалось в их посланиях, готовы воплотить замыслы человека-азиата в реальность. Поскольку в своей стране эти люди не могли трудоустроиться. И результаты были удачными — в 70-х годах прошлого века много турок неплохо устроились в ФРГ.

Но тогда почему азиаты-иммигранты идут на преступления? Справедливое и гуманное отношение нужно не тогда, когда человеку хорошо, а когда он попал в беду. Немецкий ученый, написавший книгу о Фрейде, приводит факты, что дети заболевают, а иногда и умирают без ласки и нежности.

Несмотря на разнообразие использованных наименований речь об одном и том же экономическом механизме. Призыв, что надо много и напряженно работать, чтобы хорошо жить, как-то еще срабатывал, когда места добычи природных богатств и их потребления в странах «золотого миллиарда», были пространственно разделены. Но опережающее развитие современной сферы услуг привело к тому, что места производства и потребления благ стали совпадать в пространстве и времени. Огромные массы трудовых мигрантов переместились географически, а из-за прогресса транспортных технологий — очень быстро.

Разрыв в образе жизни «белых» и «цветных» стал наблюдаемым и поэтому опасным. Но угрозы не в том, что легко увидеть, а в другом. Проблема не только в способах производства и распределения благ, но и в общей культуре. Коммуникационный барьер в том, что здесь нужно увидеть невидимое. Для его

преодоления нужна иная культура, не похожая на традиционные формы.

Рост потребления земель на основе эксплуатации природных ресурсов далее уже невозможен. А те, кто вроде бы способен транслировать культурные достижения, модели, нормы и правила поведения — оказались перед проблемой, что все известное и привычное распространять бесполезно, так как оно не нужно детям мигрантов — последние не интегрированы в «общество потребления». Ведь их предков «приглашали», чтобы производить много и дешево, а вот про уровень потребления их детей ничего не было сказано. Теми, кто об этом заранее знал или, как минимум, должен был знать.

Это происходит, если те, кто «должен был знать», не мотивированы размышлять о будущем. Ведь фаворитизм «съедает» время, распыляет ресурсы для решения множества частных задач обеспечения личного потребления, удержания занятых позиций в конкуренции за власть, а на другое сил уже не хватает. Например, почти все перечисленные проблемы, но в других формах уже имели место в прошлом: ограбление торговых караванов; военные набеги на соседей (догосударственного периода, когда территория не представляла непосредственного интереса); миграции кочевых народов и т.п.. Нельзя только просто повторить способы их решения — из-за современных ресурсных ограничений. Надо решать старые проблемы иначе, но фавориты малоспособны это делать.

Вопрос можно поставить иначе — кто конкретно, и каким образом, запустил процессы забывания огромными массами людей знаний о славном прошлом, приведших к разрыву культурно-исторического пространства человечества. Многие страны, ставшие родиной современных мигрантов, в прошлом не были отсталыми и бескультурными: успешно удерживали на своих территориях массы людей и регулировали демографические процессы.

Обращает на себя внимание, что подавляющая часть мигрантов происходит с территорий, в прошлом являвшихся колыбелями цивилизаций, или как минимум, обеспечивавших многотысячелетнее и относительно спокойное сосуществование местных сообществ. За счет напряженного труда, культуры взаимодействия с окружающей природой, регулирования социальных взаимодействий. И друг как будто поступила команда забыть о славном прошлом.

Как похожи, механизмы вроде бы разных проблем. С одной стороны, говорим о процессах забывания славной истории колыбелей цивилизации. С другой — о механизмах отторжения научного труда и достижений культуры, созданной древними и оставленной нам в наследие в форме отточенных фраз, кратких

в изложении, а поэтому не всегда быстро и без напряженного мыслительного труда понятных. Но главное — совсем бесполезных для раздувания цены за количество строчек в сообщении для новостной строки.

История повествует о пятисотлетнем главенстве исламской цивилизации (примерно 700–1200 гг. н.э.). И связывает это с ее преимуществом именно в культурном отношении. Достижения были впечатляющими: исследователь исламской культуры Ж. Рислер указывает, что Багдад в пору правления халифа Гаруна-ар-Рашида и его сына Ма'муна был мировым центром культуры. Правители окружали себя поэтами, музыкантами, богословами. В Багдаде было много зданий богослужебного назначения: мечетей, церквей, синагог, которые сооружались талантами и трудом огромных масс людей. При строительстве было проявлено управленческое искусство: умение планировать долгосрочные работы, мобилизовать и использовать труд людей разных вероисповеданий [5].

Разве не это свидетельствует об исконном дружеском отношении мусульман к другим народам? Но поразительно, что такое произошло спустя непродолжительный срок после молниеносных арабских завоеваний. Как и любая война, они не обходились без проявлений нетерпимости, насилия, грандиозных разрушений.

Однако слишком малозаметен период хозяйственного запустения, возврата разбежавшихся жителей и восстановления численности населения завоеванных территорий. Спустя непродолжительное время мусульмане уже жили мирно и в дружбе с другими народами. Начиная с 1065 г., на протяжении многих лет функционировал университет «Низамийе», где изучались Коран, литература, история, культура народов мира, астрономия, математика физика, музыка... Правители содержали богатейшие библиотеки, только в Багдаде было свыше сотни библиотек. Тяга к книге была велика. Известная библиотека «Азиз» в Каире имела 1 миллион 600 тысяч книг. Знаменитый Авиценна — ученый энциклопедист (980–1037 гг.) с восхищением отзывался о Бухарской библиотеке (в нынешнем Узбекистане), где он увидел книги, которых не было нигде в мире.

Голландец Даузи заметил, что в мусульманской Андалузии все жители были грамотными — для сравнения, в те времена из служителей христианской Церкви писать умели лишь немногие. Высокое развитие получило сельское хозяйство, строились оросительные системы; выращивались более чем 50-ти сортов плодовых деревьев, выявлены болезни растения и способы их лечения. Фармацевты применяли 360 сортов лекарственных растений. Создавались лечебницы-больницы, а дамаская лечебница состояла на субсидии государства.

Исследователь по истории медицины Ньюбургер повествует о том, что организация и функционирование больниц было одним из крупнейших достижений исламской цивилизации. Водопроводная сеть сооружена исламской цивилизацией на 148 лет раньше лондонской и на 378 лет — раньше венской. Для сооружения водопроводов применяли такой дорогостоящий металл, как медь. А самые ранние упоминания о меди для прокладки водопровода датируются 2500 годами до н.э. именно в Египте [5].

Бесспорно, что в древности практическое применение меди, как и сегодня, конкурировало в двух сферах — для производства более совершенного оружия и при невоенном использовании, например, для сооружения водопроводов, ценность которых проявляется на протяжении большего времени, чем скоротечное вооруженное столкновение, или даже жизнь одного поколения людей. Первоначально именно военные нужды подталкивали развитие производства меди, которая по мере увеличения количества и некоторого удешевления, стала доступна для использования в сооружениях, предполагающих увеличение массы этого дорогостоящего конструкционного материала. Из всего сказанного вытекает тот непреложный факт, что в реальности имел место параллельный развитию технологий культурный процесс, связанный с осознанием ценности жизни конкретных людей, для продления которой становились нужными более совершенные водопроводы и другие бытовые вещи.

На войне время сжимается до мгновений, а бытовые удобства, напротив, призваны продлевать время жизни. Странное свойство времени — физическое время течет с постоянной скоростью, социальное — нет. Время нужно человеку для досуга, для сбора и обработки информации, для становления и развития культуры и т.п. Пример исламской цивилизации нужен именно для того, чтобы раскрыть роль ресурса времени и удивительный механизма его создания. Ведь в недалеком историческом прошлом с этим именно ислам неплохо справился.

Ключевым здесь является процесс формирования внутреннего самоограничения. С какой поразительной быстротой достижения предшествующих цивилизаций Востока: ирригация, архитектура, металлургия, образование, искусство и много другое — было поставлено на службу формирующемуся под эгидой новой религии обществу. А ведь все это было непонятно для подавляющей массы арабов-завоевателей: не только рядовых, но и тех, кто оказался вознесен на вершины власти. Тогда кто сдержал порывы сокрушить все непонятное? Тончайшая прослойка образованных арабских командиров и купеческая верхушка, осведомленные об иноземных чудесах и понимавшие

потенциал их использования? Кто сумел нивелировать принципиальные пороки практики фаворитизма, для которого открылись благоприятные перспективы — ведь создавали государство и долго управляли им члены небольшой группы потомков Пророка?

Ответом представляется указание на мусульманских богословов, осознавших необходимость точного исполнения религиозных предписаний, может быть не совсем понятных им самим, но необходимых для поддержания порядка, обещанного основателем ислама. Своеобразный синтез иерархической системы и того, что называют культурой, предшественником которой в любом обществе выступают верования, как способности людей оценивать что-то нематериальное, физически не ощущаемое и не наблюдаемое непосредственно.

Деятельность ранних мусульманских богословов обеспечила то самое время, в течение которого происходивший синтез дал наблюдаемые положительные результаты, необходимые для убеждения «неверующих». Не в этом ли причина того, что в современном атеистическом обществе не нашлось сдерживающих механизмов, чтобы не форсировать ход событий на родине потенциальных мигрантов. Только теперь, после известных событий, стало понятнее, какую роль играли и играют внешне непривлекательные политические режимы Каддафи, Хусейна, Сирии, Афганистана, Пакистана и т.д.

Предвидение будущего — это метод преодоления времени, для того, чтобы его превратить в экономический ресурс. Как и любой природный ресурс, для конкретного человека время конечно, так как оно ограничено длительностью жизни. Но в результате человеческой деятельности его можно более плотно наполнить событиями, что порождает иллюзию удлинения временных отрезков. А также освободить память от информации о событиях, что «сжимает» время.

Социальное время отличается от физического. Времени для деятельности не хватает, а с точки зрения бюрократии сам факт его наличия создает угрозу для выполнения предписаний, поскольку полет творческой мысли людей не знает границ и не подчиняется власти. Поэтому нужно предвидеть то, чего не существует сейчас, но может оказаться жизненно необходимым в будущем.

Необходима сдержанность в порывах отвергать что-либо с «порога», не выслушав аргументов. Также принять во внимание то обстоятельство, что сформировавшийся в прошлом язык, скорее всего, не способен точно отобразить внутреннее содержание некоторых новых смыслов. Скорее речь идет о неких кодах, понятных только некоторым: отправителю и получателю сообщения.

Однако коды будущего ненадежны без надлежащего контроля. Нужный материал предоставляет история: понимание смысла отдаленных во времени событий трудная задача — независимо от направления хода времени. Психологически труднее отвергнуть итоги анализа прошлого, чем фантазии о будущем, какими зачастую выглядят научные гипотезы и теории.

Религиозным верованиям, как и научному знанию, предшествовали легенды и мифы. На современном языке последние больше соответствуют категории фантазий о прошлом. Но поражает устойчивость исторических фантазий, не подтверждаемых массивами материальных артефактов — для признания наукой, но демонстрирующих востребованность со стороны общества. На этапе формирования религиозных верований именно легенды и мифы послужили материалом для создания языка культуры как инструмента коммуникации.

По мере роста биосферного элемента, обусловленного заселением Земли человеком, зарождались новые идеи и шла интеллектуальная мобилизация. Это причина привлекательности легенд о существовании 100–150 тысяч лет назад высокоразвитой цивилизации в Центральной и Западной Африке. Когда люди жили в полной гармонии с природой, а продолжительность их жизни измерялась столетиями. Внешним условием этого была высокая продуктивность природной среды. Развитие происходило по пути совершенствования единой духовности, поддерживаемой оживленным общением между людьми.

Представления о единстве всего человечества, приоритете принципа взаимного доброжелательства торжествовали как условие для выживания. Более того — для последующего освоения пространств, где условия для гармонии с природой были менее благоприятными: не столь высоки урожаи, а угрозы для человеческой жизни многообразны и непредсказуемы. Из легенд к нам пришло понятие духовности, занявшее свое место в одном ряду с верой и знаниями. Человечество не могло выжить иначе в прошлом, не сможет и в будущем.

Например, поклонение духам предков основано на вере в то, что умершие не уходят от нас. Но это служит и фундаментом веры в то, что мы завтрашние можем и должны спрашивать нас сегодняшних, а потомки уже сейчас способны придти к нам из будущего и потребовать отчета за совершаемые поступки.

Нам не дано проникнуть в мысли исламских богословов, поэтому наши слова — историческая фантазия. Но эти люди эмпирическим путем нашли то, что принято приписывать провидению, духу, богу. Позднее этот путь повторила европейская наука, так как научные занятия способствуют ограничению не-

терпимости к чужому мнению, накоплению необъяснимых данных. Новое всегда непонятно и вызывает чувства отторжения. Только по прошествии времени, необходимого для накопления эмпирических данных и напряженных раздумий, оно преобразуется в полезную информацию. Также, научные гипотезы и прогнозы не укладываются в прокрустово ложе бюрократических правил, но это не должно ставить под сомнение необходимость творческого труда, плодами которого являются знания о будущем.

Духовность, вера, научные знания — это те культурные коды, которые позволяют общаться как с прошлым, так и будущим, поддерживать единство социального временного пространства. Однако эти коды недоступны для людей, погрязших в повседневной борьбе за материальные интересы, что должно служить преградой для проникновения их в круг обладателей власти.

Культура опасна для фаворитизма как явления общественной жизни. Ее язык — культурные коды и смыслы, не являются бюрократическими нормами, хотя выполняют в обществе те же функции поддер-

жания порядка и даже могут быть формализованы. Главное отличие — в целях: культура нацелена на выстраивание коммуникаций для достижения единства общества. А живучесть фаворитизма достигается его соответствием древнему принципу «разделяй и властвуй». Культура же подрывает саму основу этого принципа.

Безудержное стремление к единообразию, обеспечивающему стройность организационных структур и желательную для достижения пресловутой управляемости, в итоге порождает обратные эффекты из арсенала первобытного варварства. Это происходит, когда постижение смысла исторического опыта человеческого общежития подменяется схоластическим заучиванием и воплощением в практику застывших, безжизненных норм и предписаний. В культурных кодах скрыта та самая духовность, которую можно постигнуть в результате напряженного творческого труда, но нельзя присвоить в форме властных полномочий, дипломов, аттестатов, учебных рабочих программ, курсов лекций и другого материала.

Литература

1. Мильнер Б. З. Теория организации. Учебник. 8-е изд. М.: ИНФРА-М. — 2012. — 848 с.
2. Барышева А. В. Инновации. Учебное пособие. 3-е изд., М.: Дашков и Ко. — 2012. — 384 с.
3. Форд Г. Моя жизнь, мои достижения. — Мн.: Харвест, 2005.
4. Вернадский В. И. Проблемы биогеохимии. I. Значение биогеохимии для познания биосферы. — Л.: Изд-во АН СССР, 1934. — 47 с.
5. История Древнего Мира (в трех томах). — под ред. И. М. Дьяконова — М.: Наука, 1983.
6. Тейлор Ф. У. Менеджмент — пер. с англ. А. И. Зак. — М.: Контроллинг. — 1992. — 137 с.